

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
ЧЕЛЯБИНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР УрО РАН
АДМИНИСТРАЦИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

XIV
УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
СОВЕЩАНИЕ
(21 – 24 апреля 1999 г.)

Тезисы докладов

Челябинск
1999

УДК 930.26

XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.): Тезисы докладов. — Челябинск: Изд-во «Рифей», 1999. — 204 с.

В сборнике публикуются тезисы докладов XIV Уральского археологического совещания, которое состоялось в г. Челябинске 21–24 апреля 1999 года.

Сборник рассчитан на историков, археологов, этнографов и всех любителей древней истории.

Материалы, помещенные в сборнике, печатаются по авторским оригиналам.

Редакционная коллегия:

С.А. Григорьев, канд.ист.н. (отв. редактор), *С.Г. Боталов*, канд.ист.н.,
С.Ю. Гуцалов, *В.С. Мосин*, канд.ист.н.

ISBN 5–88–521–145–0

© Издательство «Рифей», 1999

ческая картина. Ранний горизонт, где среди численно подавляющей керамики чандарского типа, встречены обломки сосудов имендьяшевского и позднесарматского типов, был перекрыт мощным слоем пожарища. Выше располагался горизонт, где преобладающей была уже керамика романовского типа.

Таким образом, до появления романовского населения потомки имендьяшевцев и поздних сармат продолжали активные мирные контакты с северными соседями — мазунинцами (бахмутинцами), о чем красноречиво свидетельствуют материалы поздних погребений Бирского могильника и захоронения Дежневских и Ново — Турбаслинских курганов. Появление романовского населения сопровождалось военной агрессией. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы городища Уфа II — слой пожарища и большое количество наконечников стрел. Косвенно об этом говорит прекращение функционирования турбаслинских могильников в районе Уфы (Дежнево, Уфимские погребения).

Таким образом, на протяжении позднесарматского периода (2—4 вв. н.э.) кочевое сарматское население в силу каких — то причин начинает активно осваивать лесостепную зону. Приуральская группировка поздних сармат вступает в тесный контакт с местным финно — угорским населением на мирной и равноправной основе. В результате, позднесарматское и имендьяшевское население сливается в один этнос, а позднекара — абызское, вероятно, ассимилируется. К 5 веку, включив в свой состав незначительное число пришельцев с запада, потомки имендьяшевцев и поздних сармат становятся носителями единой материальной культуры. В этот период также сохраняется традиция мирного сосуществования с северными соседями. Именно в период 4—5 веков была заселена мазунинцами пустовавшая в 3 веке южная часть лесостепного Приуралья. Появление именковско — романовского населения и осложнение в связи с этим этно — политической обстановки в регионе прервало контакты северного (мазунинско — бахмутинского) и южного (турбаслинского) населения лесостепи Приуралья. Дальнейшая судьба турбаслинского этноса нам неизвестна. Вероятно, какое — то время он занимал южное левобережье р. Белой. Предварительные разведки этого района показали его недостаточную изученность и вероятность нахождения новых памятников турбаслинской культуры, возможно, позднего этапа, типа Шареевского могильника.

Оконникова Т.И. (Ижевск)

А.А. СПИЦЫН КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ДРЕВНОСТИ В ПРИКАМЬЕ

Крупнейший исследователь археологии Вятско — Камского края дореволюционного периода Александр Андреевич Спицын (1858 — 1931) является одним из основоположников изучения этнических процессов в древности в Прикамье. Активная деятельность по выявлению и систематизации археологических памятников на обширных пространствах бассейнов рр. Вятки и Камы, начатая исследователем еще в студенческие годы и продолженная в 1880 — х гг., позволила ему придти к выявлению локальных групп памятников, отличающихся специфическими чертами материальной культуры. По мнению Спицына А.А., различия между этими группами памятников объясняются принадлежностью их разным этносам древности. Так, памятники по Каме, Пижме и Чепце, датируемые V — XIII вв., он идентифицирует с легендарной чудью, а более поздние сарапульскую, средневятскую группы городищ, а также городища по Тойме и Ижу — с предками удмуртов.

Этническая проблематика в работах А. А. Спицына становится доминирующей с конца 1880 — х гг. В одной из самых ранних своих работ об этнической истории края «К истории вятских инородцев» (1888 г.) исследователь, на основе синтеза данных доступных ему археологических, лингвистических, письменных источников, излагает соображения «...о расселении и древнейшей судьбе...» ряда прикамских народов. Рассуждая о чуде, он пытается определить места ее расселения, время обитания народа на известных памятниках, пути его проникновения на изучаемую территорию, пути распространения чудской культуры из Верхнего Прикамья на Пижму,

где были открыты памятники, по его мнению, «чудского» типа. Кроме того, автор ставит вопрос о связи легендарного народа с ныне существующими этносами. Сходный круг проблем решается им и по отношению к вотяцкому племени: откуда оно пришло на места современного расселения, каким был характер взаимоотношений вотяков с соседними народами, когда и каким образом они были изгнаны с хлыновской области русскими, какими древними процессами было обусловлено разделение народа на племенные группы «ватка» и «калмез» и т.д.

Таким образом, с конца 1880-х гг. в исследованиях А.А. Спицына стала складываться этнологическая парадигма, основными элементами которой являются выявление локальных комплексов памятников, отнесение их к какому-либо известному народу, определение путей проникновения народа на данную территорию, путей его миграции, характера взаимоотношений с другими древними народами. Реализация этой парадигмы требовала совершенствования культурно-стратиграфического метода, разработки основ картографического метода, создания культурно-типологических разработок, что в полной мере прослеживается в работах А.А. Спицына «Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии (1893); «Древности бассейнов рр. Оки и Камы» (1901); «Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых» (1902). Группы сходных памятников, расположенных на ограниченной территории, автор называет археологическими культурами. Выделяя, в частности, ананьинскую и пьяноборскую культуры, автор не ограничивается пониманием их как хронологических стадий развития древнего населения Прикамья, что было свойственно для местных археологов в предшествующий период (например, для Пономарева П.А.), но стремится также определить ареал распространения типичных памятников, характерных для данных культур.

С большой долей вероятности можно утверждать, что А.А. Спицын, известный в отечественной археологии как один из создателей этнологической парадигмы, стал таковым во многом благодаря исключительной этнической пестроте населения Камско-Вятского региона, что отражалось и на специфике археологических памятников. Фактически А. А. Спицын впервые начал отрабатывать методы и приемы исследования этнических проблем на прикамском материале, а затем усовершенствовал их на памятниках других территорий, в частности, заселенных славянскими племенами.

Ругенко К.А. (Казань)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР УРАЛА И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Вопросам взаимодействия археологических культур Поволжья и Прикамья с Уралом и Зауральем посвящена обширная литература. Среди исследуемых тем выделяется комплекс проблем, связанных с определенными категориями предметов. Это украшения из железа, бронзы, ювелирные изделия, предметы торевтики и металлическая бытовая посуда.

Ювелирные серебряные украшения, найденные в Зауралье на финно-угорских памятниках и интерпретируемые как булгарские, по мнению исследователей, показывают, что «...их типы и технология изготовления практически не меняются с 11 по 15 в., а те перемены, которые удалось зафиксировать связаны...либо с уменьшением количества серебра, либо с расширением масштабов производства...такая традиционность присуща только булгарскому ювелирному делу, т.к., например, на Руси домонгольский узор четко отличается от убора золотоордынского времени» (Федорова Н.В., 1995). Пик их производства, по мнению исследователя, приходится на 2 половину 13—14 вв.

Складывается парадоксальная ситуация, когда данные, полученные из исследований на территории самой Булгарии, вступают в очевидное противоречие с выводами, полученными на материале памятников Зауралья и Прикамья. Предположение о том, что широкое распространение булгарских украшений соседними народами произошло из-за использования их в качестве торгового эквивалента (Белафин А.М., 1992) не является